

Марс

БЕССИ

КНИГА 1

ALON

Бессмертная

Марсия Андес

Alone

«ИП Стрельбицкий»

Андес М.

Alone / М. Андес — «ИП Стрельбицкий»,
— (Бессмертная)

ISBN 978-5-04-012122-9

У меня нет имени, потому что я позабыла его давным-давно. Я никто, не существую, не могу существовать в принципе. Я просто призрак с твёрдой оболочкой. Я просто «никто». Я бессмертная. Люди бессмысленные существа, люди жалкие и ничтожные. И я презираю их. Всех. До единого. За исключением одного. Того, кто доказал мне, что люди не безнадёжны. Того, чьё имя я буду помнить сквозь тысячелетия. До самой моей смерти, если, конечно, Господь подарит мне такой подарок. И я тогда, наконец, смогу уйти с чистым одиноким сердцем, внутри которого останется навсегда этот странный улыбающийся парень.

ISBN 978-5-04-012122-9

© Андес М.
© ИП Стрельбицкий

Содержание

Evanesence – Secret Door (piano instrumental version)	5
Valentin Boomes – Evolve	7
RobertHaigh – Moon Blue Crooks	10
Robert Haigh – Untitled	12
The Daydream – I Miss You	14
Robert Haigh – Sons Of Light (Prelude)	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Марсия Андес

Бессмертная

Книга 1

Alone

Evanescence – Secret Door (piano instrumental version)

Люди уничтожают себя собственными руками, сдирают кожу, разрывают сердца, словно бешеные голодные звери, убивают друг друга, сражаясь за идеалы других. Люди глупы. Они гоняются за богатством, за властью, за бессмертием. Они уничтожают каждого на своём пути, отчаянно цепляются за прошлое, тонут в своей боли, не желая хвататься за брошенный кем-то круг. Люди ничтожны. Люди прогнили изнутри, покрылись плесенью и желчью, наполнили свою душу известью. Они пьют нефть на завтрак, они пожирают платину и алмазы, они вкалывают в кровь жидкое золото.

Люди рождаются и умирают. Один за другим своими бессмысленными смертями, теряют свои жизни в погоне за счастьем, мучаются где-то в глубинах Ада, мечтая вознестись к небесам. Люди такие жалкие, что и жалеть их даже не хочется. Спешат куда-то, несутся в погоне за временем. А времени-то у них и не было никогда. Серая масса, глупое расписание, мол, встал, сходил в душ, позавтракал, пошёл на учёбу или работу, вернулся делать уроки или отдыхать после дневной смены, лёг спать, а на утро всё по новой. Суевливые твари, не знающие, что такое боль и одиночество, что значит мечтать о смерти, сидя холодными ночами на крышах или перед камином с книгой о вечной любви.

Любовь...

Всё это чепуха, предрассудки, правящие миром. Кто её придумал? Кто первый её испытал? Кто назвал это безумие таким красивым словом? Даже я как-то упустила этот момент, хотя, возможно, меня тогда даже и не было. Хотя иногда мне кажется, что я живу с сотворения миров. Глупости...

Я такая странная. Я такая беспомощная, такая одинокая...

Пальцы скользят по клавишам, создавая смесь звуков, отражающих душу; смесь, способную заставить волноваться, скучать, грустить, смеяться, плакать...

Музыка – одно из немногих достижений человечества, которое я люблю. Эти звуки, эти вибрации воздуха, рождающиеся из обычного нажатия на клавишу рояля, помогают мне продолжать существование, тихо мечтая о смерти.

Он никогда меня не понимал. Он не понимал, какого это видеть, как любимые люди умирают раз за разом, и быть бессильным помешать этому. Он думал, что я везучая, он думал, что сможет забрать хотя бы часть моей боли, которая уже не помещается в мою душу, вытекает, выливается из краёв и уничтожает меня.

Но проблема в том, как бы я не хотела, я не смогу умереть. Я безымянная. У меня нет имени, потому что я позабыла его давным-давно. Я никто, не существую, не могу существовать в принципе. Я просто призрак с твёрдой оболочкой. Я просто «никто». Я бессмертная.

Люди бессмысленные существа, люди жалкие и ничтожные. И я презираю их. Всех. До единого. За исключением одного. Того, кто доказал мне, что люди не безнадёжны. Того, чьё имя я буду помнить сквозь тысячелетия. До самой моей смерти, если, конечно, Господь

подарит мне такой подарок. И я тогда, наконец, смогу уйти с чистым одиноким сердцем, внутри которого останется навсегда этот странный улыбающийся парень.

Valentin Boomes – Evolve

Тогда был сезон дождей. Я жила в Германии в Берлине под именем Петра Айнер. Официально мне было 21, и я училась в Берлинской академии искусств. Я училась играть на рояле, хотя в этом не было никакого смысла, потому что я и так всю жизнь провела сидя за ним. Они называли меня гением. Они думали, что я стану следующим Бахом или Бетховеном, однако я и не собиралась. Мне просто нужно было чем-то заниматься, пока моя роль не закончится какой-нибудь нелепой смертью. Я попаду под поезд через несколько лет или же покончу с собой, спрыгнув с крыши, или же сгорю в доме, взорвусь в машине, буду убита бандитом или маньяком, самолёт упадёт, а я случайно окажусь среди пассажиров. Не знаю. Я всегда тщательно продумываю свои смерти, чтобы потом взять новое имя, новые документы и уехать отсюда куда-нибудь в другую страну.

Я стараюсь не сближаться ни с кем, чтобы потом не было больно наблюдать за тем, как они стареют, заводят детей и внуков, умирают. Я перестала подпускать их к себе, чтобы больше не плакать. Время не лечит, никогда не лечит. Шрамы остаются, продолжают ныть в дождливую погоду, напоминают о чём-то хорошем, что я уже и не в силах вспомнить. У меня ведь тоже есть душа, у меня тоже есть чувства, и я тоже могу скучать по кому-то.

И я, как и все, запиваю боль алкоголем и никотином. Каждый вечер субботы и каждое воскресенье.

Таймер на часах пикает, и я чувствую, что время заканчивается. Пальцы соскальзывают с клавиш рояля, и я встаю, хватая ноты. Перемена закончится через пять минут, и начнётся занятие. Я осматриваюсь – в дверях стоят какие-то парни из танцевальной группы и наблюдают за мной. Им нравится, как я играю. Или, может быть, им нравлюсь я.

Я забираю с пола сумку. Цепляюсь за открытый рояль, который жалостливо стонет низкими нотами под моими пальцами, и выпрямляюсь. Парней уже нет.

Я нахожусь в просторном зале, где нет ни стульев, ни столов, лишь чёрный рояль в центре. Такие залы обычно используют танцевальные группы, но один из них принадлежит нам. Я иду к окну и забираюсь на подоконник, ожидая, когда мои одноклассники соизволят прийти. Здесь отличный вид на небо – облака двигаются так свободно и красиво, что я не могу отвести взгляд. Это как мелодия, слушаешь, и не можешь думать ни о чём больше, кроме неё.

Забираюсь с ногами и облокачиваюсь о стену спиной, словно бы я дома на подоконнике с кружкой горячего кофе. Ненавижу кофе. И жить без него не могу.

Мои обтягивающие чёрные джинсы делают мои ноги такими тонкими, что иногда мне кажется, словно они спички. Стоит оступиться на неровной поверхности, огромный каблук туфель сломается, и мои кости раскрошатся, словно рассыпчатое печенье.

Шум в коридоре постепенно прекращается, а я всё смотрю на облака и мечтаю умереть. Каждую секунду, каждое мгновение, но, наверное, моему желанию не суждено сбыться никогда.

Наша преподаватель по игре на рояле, фрау Кельм, говорит, что музыка вечна. Что звуки выскальзывают из инструмента и навсегда осязают в пространстве, и что когда-нибудь изобретут прибор, способный собирать эти частички и воспроизводить заново. Наверное, если его изобретут, я буду вспоминать фрау Кельм, которая впервые заговорила об этом. Если, конечно, она останется у меня в памяти, и я смогу вытащить её лицо из воронки тысяч остальных лиц.

– Знаешь, Петра, – это Крис. Парень, который считает меня своим другом. Парень, который вечно ходит за мной, навязывается, словно у него и других знакомых нет, говорит, что ему нравятся то, как я играю. Мы особо с ним и не общаемся, так, перекинемся парой

фраз на парах или на переменах, а вне академии даже не видимся. Иногда он зовёт меня с собой на вечеринки или в клуб, но я всегда отказываюсь. Я не завожу друзей или любовников больше, чем на одну ночь. Я одна. Навсегда. – Я слышал, что у нас новенький. Тоже круто играет, он приехал из Англии.

– Круто. Теперь будешь к нему приставать и, наконец, оставишь меня в покое, – я смотрю на небо. Солнце сегодня холодное, его почти не видно. Наверное, будет дождь.

– Что за ерунду ты опять говоришь? – Крис прислоняется к стене со стороны моей головы и вздыхает. – Мы же друзья. Если ты думаешь, что я с тобой общаюсь, потому что ты супер гений в плане музыки, то ты полная идиотка.

Я смотрю, как очередная туча заволакивает небесный кусочек, и думаю о том, что не взяла с собой зонтик. Обидно.

– Тогда зачем ты ко мне пристал? Нравлюсь? Так и скажи... Потрахаемся и разбежимся.

– Хватит подкалывать, – Крис стучает меня в плечо локтём. – Ты и так ни с кем не общаешься. Не знаю, как у вас там, у гениев, принято, но в одиночестве можно сойти с ума.

Я вздыхаю и прикрываю глаза.

– А мне и одной неплохо. Тебе стоит больше общаться с остальными, а не крутиться возле меня. Одиночество заразно, – я приоткрываю веки и откидываю голову назад.

Зал наполняется студентами, внося в мой мир болтовню и смех. Они расходятся по помещению, кто-то садится на подоконнике, кто-то у стен, кто-то у рояля на полу. Все они достают ноты с сонатой Бетховена, которую нам задали выучить. Я её выучила почти сразу, как она была написана, и помню её до сих пор. Я даже могу сыграть её с закрытыми глазами...

Я достаю из кармана чёрный маркер, признаться, понятия не имею, откуда он там взялся, и пишу в уголке на стекле:

«Одиночество заразно».

Фломастер немного скрипит о прозрачную поверхность, а когда перестаёт, в зал заходит преподаватель. Красивая женщина с тёмным каре и яркими синими глазами. Эти глаза я буду помнить ещё примерно лет сто.

Она проходит к роялю и ставит ноты на подставку. Сегодня на ней чёрная юбка карандашом и блузка. Сегодня она в хорошем настроении. Я могу определять настроение людей по их шагам. Когда им больно, они тихие и медленные. Когда злятся – грубые и тяжёлые. Когда радуются – немного пружинистые. Я даже могу не смотреть на них, я даже и слепой бы выжила...

Она ставит сумку на пол и певуче говорит.

– Сегодня мы будем играть Вагнера. А потом я послушаю ваше домашнее задание, – она осматривает всех, и я даже могу представить океан из её глаз. Он такой глубокий, безграничный, одинокий... – Начнёт новенький. Думаю, вы уже познакомились, но всё равно выйди, представься.

Я смотрю на небо. Точно будет дождик, и мне придётся мокнуть без зонта. Я не люблю дождь. Он напоминает мне о боли, которую я хочу забыть. Он напоминает о тех, кого я оплакивала.

– Меня зовут Уилл Рейген, – я слышу весёлый плавный голос парня, но не поворачиваюсь. – Я приехал из Англии. Точнее, я там только учился, но это не важно.

– Хорошо, Уилл. Сыграй нам, – фрау Кельм улыбается. Я знаю. Я всегда знаю, когда она улыбается...

Я слышу шаги. Он садится за рояль, вздыхает, набирая воздух в лёгкие, и плавно опускает пальцы на клавиши. Его звуки мягкие и пластичные, в отличие от моих. Ноты – его слова. Уилл говорит нотами, я чувствую их, чувствую их боль.

Дождь начинается. Капли падают на стекло, образуя дорожки слёз, музыка врывается в моё сердце, и я готова вырвать его с корнем, лишь бы всё внутри перестало ныть. Я уже ненавижу этого мальчишку за то, что он смог причинить мне боль простой мелодией. Я ненавижу его всем своим раненым сердцем.

Я поворачиваю голову и смотрю на него. Он сидит ко мне боком, его пальцы скользят по роялю, словно по желанному телу любовника, его брови сдвинуты, а рот чуть приоткрыт. Он изредка смотрит в ноты, но не задерживается на них долго. У него талант.

Его руки соскальзывают с клавиш, но я всё ещё смотрю на них и думаю, что парень играет. Все начинают хлопать. Все, кроме меня.

– Но с тобой он не сравнится, – тянет Крис, замечая мои заинтересованные взгляды.

Я отворачиваюсь.

– Никто не сравнится, – безразлично говорю я.

Крис усмехается. Я снова смотрю на окно, за которым продолжает метаться дождь, и опять вспоминаю, что у меня нет зонта.

– А теперь сравним с нашей лучшей ученицей. Петра, прошу, – преподаватель смотрит на меня.

Я прикрываю глаза, вздыхая. Никогда не может обойтись без меня. Она всегда говорит, что ей нравится меня слушать, что я особенная.

А я всего лишь хочу умереть.

Я спрыгиваю с подоконника и медленно иду к роялю, встречаясь с Уиллом мимолётным взглядом. У него карие глаза и чёрные растрёпанные волосы. У него шрам в уголке губ. Слева. Звук моих каблучков уходит на задний план – я добираюсь до рояля, сажусь на стул и прикрываю глаза. Затем разлепляю ресницы и смотрю на ноты. Вагнер... Я уже играла эту мелодию.

И когда я поднимаю руки, и когда касаюсь клавиш, и когда слышу звуки стонущего рояля, я чувствую, что кружусь в водовороте красок, не замечая никого вокруг. Пальцы сами находят нужную ноту, сами жмут и сами вздрагивают от плотного соприкосновения с инструментом. Я словно выплёскиваю все свои эмоции, словно делюсь болью с остальными. Это единственный способ, который я нашла, который действительно помогает мне.

Я заканчиваю тихими звуками и поднимаю руки, думая, что сижу под прицелом снайпера. Что к моему затылку приставили пистолет, чтобы я играла. Что сейчас спустят курок, и я, наконец, умру.

Но ничего не происходит. Я лишь поднимаюсь и иду к своему подоконнику, забираясь на него.

– Прекрасно... – шепчет фрау Кельм, смахивая слезинки с уголков глаз.

Я снова смотрю в небо, и думаю, что дождь не закончился. И мне придётся идти пешком без зонта.

RobertHaigh – Moon Blue Crooks

Осень для меня всегда ассоциировалась со смертью. Серые дороги, плачущие по кому-то небеса, холод, ветер, пустота. Одиночество. Боль...

Однажды осенью в 1814 году, когда я жила в Париже, я повстречала глупую девчонку, которая сбежала из дома, потому что не желала выходить замуж за богатого мужчину, которого ей подыскали родители. Тогда во Франции, да и не только, было жуткое время. Только закончилась война, люди жили в нищете, в грязи в своих собственных экскрементах, совсем не мылись и гнили в собственной вони. Это было время чумы и холеры. Это было время смертей, время отчаяния и потерь.

Тогда был дождь, он размывал грязь по городу, он превращал улицы в месиво того, от чего даже дохли крысы. И я находилась там только потому, что надеялась умереть от какой-нибудь заразы, но, к сожалению, я ещё жива.

Её звали Жульетта. У неё были белоснежные волосы и серые большие глаза, которые до сих пор преследуют меня в кошмарах. Она стояла на мосту – дождь забирался под её платок и гладил кожу – и плакала. Беззвучно, одиноко, красиво, откинувшись назад и смотря в небо.

Она собиралась прыгнуть в воду.

Мне было неинтересно, почему. Я просто остановилась рядом и облокотилась о перила, смотря на то, как гладь воды вспенивается пузырями. Мы стояли рядом по разные стороны ограды. Молча. Слушая дождь, обмениваясь мыслями. Я не спрашивала у неё ничего. Я не проронила ни слова.

А она рассказала мне сама, что её хотели выдать замуж против её воли, хотя она любила простого офицера. И её глаза, наполненные горечью, навсегда остались в моём сердце, пока остальное её тело падало в бездну.

Я её не остановила, потому что завидовала. Прыгни я следом за ней, я бы осталась жива.

Осень всегда забирает всё хорошее. Осень никогда не заберёт меня.

Дождик так и не заканчивается, и я выхожу из академии на улицу, чтобы дойти до остановки и поймать маршрутку или такси. Идя с опущенной головой, я думаю о мелодии, которую сыграл этот парень. Я думаю о боли, я думаю о пустоте.

Волосы намокают, тушь, наверное, потекла. Чувствую, как капли стекают по лицу к ще. Цепляюсь за сумку и поправляю воротник. Завтра надо будет взять зонт.

Наступаю в лужу – не надо было надевать сегодня туфли – делаю вид, что не заметила, сворачиваю за поворот и замираю среди людей, ждущих, когда переключится светофор.

Люди такие глупые...

Даже не знают, кто я такая. А я и сама не знаю...

Когда-то я видела, как умирают близнецы. Им было где-то семь, это было до того, как я стала Петрой Айнер. Мы ехали в электропоезде. И он сошёл с рельс, вагон перевернулся, согнулся и сплюснулся почти полностью. Я сидела у окна, на противоположной стороне мать и близнецы. Меня придавило почти полностью, я лежала неподвижно и смотрела на них. Кровь. Крики. Паника. Одного мальчишку придавило насмерть, он лежал на полу под грудой металла. Второй лежал рядом ещё живой.

И я тогда думала, умрёт ли он, раз его половинки больше нет? Умрут ли они вместе сегодня? Или нет... Умру ли я, наконец? Или мои мучения продолжатся?

Они умерли, а я до сих пор вижу эту картинку перед глазами. Единственное, что я хорошо помню – это смерти.

Тогда тоже был дождь. И теперь всегда, когда плохая погода, я боюсь, что кто-то умрёт, и мне придётся нести этот образ всю жизнь.

Кто-то прячет меня под зонт, и я медленно поднимаю голову.

– Заболеешь, – улыбается парень.

Тот, кто причинил мне сегодня боль.

Уилл Рейген. Я помню. Это имя.

– Не заболею, – безразлично говорю я.

Я никогда не боюсь.

– Говорю, заболеешь, – он улыбается и встаёт ближе.

Я не шевелюсь.

– Ты очень круто играешь, – уже тише говорит парень. – Тебя ведь Петра зовут?

– Да.

Светофор загорается зелёным, и я выскальзываю из-под зонта и начинаю переходить улицу, но Уилл меня догоняет и снова прячет от дождя. Я не хочу с ним сблизиться. Ни с кем. Особенно с ним.

– А я Уилл. Ты всегда такая неразговорчивая? – он перешагивает лужу.

Я резко сворачиваю налево и на пару секунд оказываюсь без защиты.

– Да. А ты всегда такой навязчивый?

– Просто хочу познакомиться, – пожимает плечами.

– А я не хочу, – прикрываю глаза и прячу руки в карманах. – Ты до самого дома собрался за мной идти?

Рейген фыркает, кажется, обиделся. А мне плевать. Я просто хочу умереть...

– Да, если нужно, – он делает голос бодрым, но я вижу, что он всё ещё обижается.

Ненавижу причинять боль людям. И людей я тоже ненавижу.

– Нам не по пути, – я останавливаюсь у ближайшей остановки и оборачиваюсь, замечая нужную маршрутку. Голосую. – Моя.

Я не смотрю на парня. Машина тормозит и обливает низ моих джинс водой. Туфли промокают насквозь, но я всего лишь поджимаю губы и жду, пока дверь откроется. А потом оборачиваюсь к Уиллу и замираю. Он не улыбается. Он просто смотрит на меня, словно вдруг понял всю мою боль и одиночество, всё моя проклятие, понял с одного только взгляда.

– У тебя талант, – говорю я. Уилл вскидывает бровь. – Я про рояль.

Дверь открывается, и я забираюсь в транспорт, оставляя Уилла Рейгена в одиночестве на остановке. Он смотрит на меня так, будто всё понимает.

Я оплачиваю проезд и сажусь на свободное место, стряхиваю с волос воду. Одиночество...

Наверное, самое ужасное слово в мире.

Robert Haigh – Untitled

Я курю только крепкие Мальборо. Они заползают мне в лёгкие и сжигают их, оставляют прожжённую дыру в моей душе. Они такие же горькие, как и моя жизнь.

Стоя на балконе и держа свою очередную жертву между указательным и средним пальцами правой руки, я смотрю, как последние капли её души вылетают из моего рта и в немом крике растворяются во влажном воздухе. Редкие капли дождя попадают мне на лицо, сбиваемые с траектории ветром, – я не обращаю на это внимания. Ветер забивается под футболку, и я вздрагиваю из-за мурашек. Всё-таки на улице не лето.

Облака заволочили небеса, солнца теперь не видно совсем. Нужно не забыть положить зонтик в сумку.

У меня столько времени, что я вечно забываю всякие мелочи. День. Ночь. Всё сливается, всё превращается в сплошные сутки.

Я ведь не сплю. Никогда.

И от этого моя жизнь кажется в два раза длиннее.

Я наблюдаю за людьми, которые копошатся внизу, словно муравьи, чей муравейник растормошили палкой. Их почти не видно – зонтики скрывают всё. Большие, маленькие, чёрные, с рисунком, разноцветные, прозрачные – все они говорят об их хозяевах.

Все они скоро заржавеют или порвутся, а потом окажутся на свалке.

Ничто не вечно.

Ничто. Кроме меня.

Пепел падает на мои пальцы, и я выбрасываю окурок вниз с балкона, наблюдая, как он стремительно летит вниз, чтобы оказаться в какой-нибудь луже. Или его подберёт ребёнок и докурит. Дети нынче не такие, как раньше...

Сжимаю руками железные прутья, секунду медлю и бросаю последний взгляд вдаль. Ухожу.

Курить больше не хочется.

Я курю, надеясь, что меня убьёт рак лёгких. Может быть, так мне суждено умереть...

В квартире темно, горит лишь открытый ноутбук. Здесь почти ничего нет, ничего, что бы напоминало мне о прошлом, причиняющем невыносимую боль. Только настоящее. Телевизор, компьютер, интернет. Ненужная кровать, кресло, стол. Рояль. В шкафу только книги, которые я купила за все годы, что жила тут. Никаких фотографий. Ничего.

За годы жизни я собрала кучу антиквариата, накопила столько денег, что хватит на несколько жизней вперёд. Всё это в доме, который находится в слепой зоне от спутников. Туда не добраться просто так, его невозможно найти, если не знаешь, где именно искать. Если не знаешь, ЧТО ты ищешь.

Я могла бы жить где-нибудь на необитаемом острове в одиночестве, не скрываясь, не позволяя людям задуматься: а почему эта девчонка не стареет? Но я так не могу. Пробовала. Не понравилось. Поэтому я часто переезжаю, часто меняю имена, часто заменяю одну жизнь другой, подстраиваю свою смерть, чтобы какое-нибудь ЦРУ или ФБР не задумалось на счёт меня. Правительство сейчас слишком любопытное, а гнить в какой-нибудь лаборатории у меня нет желания. Я не крыса.

Я просто человек.

Выйти бы на крышу, да дождик ещё не закончился...

Подхожу к роялю и сажусь на стул, осторожно открывая крышку. Провожу пальцами по клавишам. Рояль старый, я купила его в антикварной лавке несколько лет назад. Клавиши пожелтели, краска на нём потрескалась, глядишь, вот-вот развалится...

Но этим он меня и привлекает: я вижу в нём себя. Такой же усталый, прошедший через время, готовый разрушиться, но пока ещё не заслуживший этот шанс.

И звуки у него особенные, не такие, как у новых инструментов. Ведь ноты – это наши слова. Мелодия, которую ты играешь, – это отражение нашей души. В моей лишь боль. Люди любят боль, иначе им бы не нравилось то, как я играю. Или они мазохисты.

Я осторожно нажимаю на клавиши, создавая череду тихих звуков, прислушиваюсь, словно боясь, что это услышат, добавляю левую руку. Плавно касаюсь каждой полоски, позволяя им почувствовать мою нежность, усиливаю звуки с помощью педали.

Уже и не помню, играла ли я эту мелодию раньше или же придумала только что сама. Закрываю глаза. Пальцы сами двигаются, а я лишь успеваю только принимать в себя звуки, которые постепенно затухают и исчезают вовсе в тот момент, когда я перестаю играть.

Я жду какого-то чуда, но ничего не происходит.

Снова хочется курить, скорее уже по привычке, и я устало вздыхаю, поднимаясь. Мне кажется, что рояль смотрит на меня. А в его глазах-клавишах я вижу такое же одиночество, как и в моих.

Потеря...

Этот инструмент знает, что означает это слово.

Ведь он тоже потерял кого-то, перед тем как попасть в антикварную лавку. Он единственный, кто понимает меня.

Пусть это и просто рояль.

The Daydream – I Miss You

Когда я на следующий день прихожу в академию, то понимаю, что снова забыла зонт. Это не вызывает у меня ничего, кроме лёгкой досады. В прочем, его наличие ничего не изменит в моей жизни, я ведь не смогу заболеть, не смогу даже подхватить простой насморк. Если бы я попала в руки учёным, то, наверное, они смогли бы изобрести какое-нибудь лекарство из моей крови. Или ещё хуже: смертельное оружие. Это было бы печально...

Уроки игры на рояле у нас каждый день. Сегодня первая пара, поэтому я медленно иду к привычному для меня залу, чтобы поиграть что-нибудь, пока есть время. Потому что я ненавижу ждать...

Мне всегда кажется, что я невидимка. Меня не замечают, меня избегают, меня иногда даже боятся, наверное. Даже когда я нахожусь в толпе, даже когда рядом Крис что-то бормочет мне под ухо, даже разговаривая с кем-то, я всегда чувствую удушающую петлю одиночества, которая плотно затянута на моей шее. Осталось только вздрнуть...

Плотная масса невидимой стены, воздвигнутая мной, не пропускает никого к моей душе. И я тону в ней, теряя себя. Молчание – ненужный бонус к бессмертию. Иногда я даже забываю, каков мой голос на самом деле. Настоящий, не потерянный во времени.

Одиночество заразно.

Я подхожу к залу и замираю в паре метрах, потому что у дверей стоят парни, которые обычно наблюдают за моей игрой, и тихо переговариваются. Изнутри доносится музыка. **The Daydream. I Miss You.** И я узнаю эту боль с первой ноты, я уже знаю, кто там играет на моём месте.

Один из парней замечает меня и толкает в бок друга. Третий поворачивается ко мне сам. Они о чём-то переговариваются, поглядывая на меня, а потом подталкивают в мою сторону того, что посередине, что-то ему тихо говоря и улыбаясь.

Я слушаю мелодию и думаю, что это слишком невыносимо. За последние несколько лет ещё никто не смог настолько сильно причинить мне боль игрой на рояле.

Парень подходит ближе ко мне – я чувствую его смущение, которое он пытается скрыть. Я уже знаю, что он скажет, и что я ему отвечу. Он милый, и у него красивые изумрудные глаза, тёмные веснушки, в которых я вижу звёздное небо, медные волосы. Я знаю, что он не из тех типичных парней, которые подкатывают к девчонкам, зная, что им не откажут. Это как раз тот тип, которому я искренне не хочу делать больно. Я смотрю на него с сожалением, потому что знаю всё, что сейчас будет.

Ненавижу причинять боль людям.

Он оборачивается, смотря на друзей, и те подбадривают его улыбками.

– Привет, – нерешительно бормочет парень.

Он немного выше меня – я смотрю на него снизу вверх и думаю, что он красивый. Если бы я была бы нормальной, я бы дала ему шанс.

– Привет.

– Я... – он прокашливается. Кажется, он учится на первом курсе. – Ты мне нравишься! – выпаливает, словно от этого зависит его жизнь.

Я вижу его румянец, его нервно дрожащие пальцы, которые он прячет в карманах, чтобы я не видела его волнение, вижу, как искренне звучат его слова. Он, правда, красивый. Ему девятнадцать или восемнадцать, чёрная рубашка, узкие джинсы, кеды.

Я могла бы сказать ему, что он тоже мне нравится, могла бы согласиться на свидания и на отношения, могла бы всё это сделать, но... Я ведь ненавижу делать людям больно. И ненавижу, когда делают больно мне. В какой-то момент мне придётся бросить его, или я

умру, подстроив свою смерть, и ничего ему не скажу. Тогда он будет оплакивать меня, пока не забудет.

А ещё хуже, если я привяжусь к нему. Если впусти за свои стены.

Я же говорю, что ненавижу причинять боль людям...

– Как тебя зовут? – улыбаюсь я.

Он замирает и смотрит, словно маленький ребёнок, совершенно забывая, что позади него стоят его друзья. Для него в этот миг существую только я.

– Экси.

– Красивое имя, Экси, – я мило улыбаюсь, кокетливо опуская глаза и убирая руки за спину. – Но, мне жаль. Мне нравятся девушки.

Он удивлённо хлопает ресницами, а потом смущается ещё больше.

– О, я не знал...

Я вздыхаю. Для меня со временем стало всё равно, парень это или девушка. Какая разница, если за плечами тысячи партнёров. Я давно уже не сплю с кем-то больше, чем один раз. Я просто боюсь привязаться к кому-то...

– Если хочешь, я могу как-нибудь для тебя поиграть, – я легко улыбаюсь, поправляя рюкзак. – Ты ведь часто сюда приходишь.

Экси печально улыбается.

– Было бы здорово, – улыбка становится шире. – Извини, если что.

– Ничего...

Он отступает и возвращается к друзьям, а потом они вместе уходят. Я вижу, как опущены его плечи, как печально звучит его отдаляющийся голос. Улыбка медленно сползает с моего лица, и я думаю, что всё равно ненавижу такие моменты.

Он ещё играет. Я подхожу ближе и замираю в дверях. Уилл сидит за роялем – его губы приоткрыты, глаза почти полностью закрыты, пальцы длинные, скользят так, словно гладят чью-то кожу, словно убирают волосы с лица. Его брови сходятся на переносице, появляются морщинки между глаз.

И я понимаю, что он прекрасен. Сейчас бы фотоаппарат, сделать снимок на память и вспоминать, как кто-то сливается с музыкой.

Я выдыхаю, понимая, что не дышала всё это время, и Уилл сбивается. Его палец соскальзывает с клавиши, и парень оборачивается. Какое-то время он смотрит на меня, а потом встаёт и подбирает сумку, что валяется у его ног.

– Привет, – Рейген как-то испуганно наблюдает за мной, словно я вот-вот сбегу.

– Привет.

Я не двигаюсь.

– Повторишь? – он кивает на рояль.

Его голос с долей придыхания, отчего по моей коже пробегает череда мурашек.

– **The Daydream. I Miss You**, – говорю я, и Уилл кивает. – Запросто.

Он улыбается, продолжая наблюдать за мной, а я подхожу ближе и бросаю на пол рюкзак, садясь за инструмент. Миллион раз играла эту мелодию, знаю её наизусть.

Я поднимаю руки и нажимаю на клавиши, плавно, нежнее, чем до меня делал Рйген. Я играю... Я играю впервые в чьём-то присутствии по собственному желанию, осознавая, что кто-то есть рядом. Обычно я никого вокруг не замечаю. И мне кажется, что я играю для Уилла. И тут же пугаюсь этой мысли...

Я не могу играть для кого-то. Ведь я одна.

Robert Haigh – Sons Of Light (Prelude)

– Не останавливайся... – горячий шёпот обжигает правое ухо, когда я с закрытыми глазами скольжу пальцами по клавишам, отчего я на мгновение теряюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.